

к III 1255619

АЛЕКСЕЙ ГАНИН

БЫЛИННОЕ ПОЛЕ

к III 1255619

МОСКВА,
1924 г.

Гублит № 20848.

Тираж 1000 экз.

Типо-Лит. „МОСТОРГА“, Москва, Миняевский пр., д. 14. Телеф. 3-78-19.

К слову сказать:

Многие при встрече называют меня: „мистик“. Это неверно. Это желание от серьезных вещей отделяться недомыслием.

Я родился в стране, где пашут еще косулями и боронуют суковатками, но где за долго до Эйнштейна вся теория относительности высказана в коротком слове „Авось“.

Это не шутка. Поэтому если люди все еще не умеют уважать одиноких и от каждого требуют стадной клички, я был бы более прав если бы рекомендовал себя: „А Ганни—романтик начала XX века“.

У косогора

Сегодня целый день я пил Твое дыханье,
я—радостный гусяр, бездомник золотой,
и сладко было мне в бреду очарований,
как тополю звенеть, в безлюдьи ветровом.

В ответ на лепет мой, серебрянным приветом
с зеленого холма откликнулся родник..

И ласково текли блуждающие тени.

И радовался день. И первый цвет возник.

О имени твоём сегодня вечность спряла
в душе моей любви тебе крылатый стих.

И слушал разум мой. И сердце повторяло
узорную молву влюбленных губ моих.

И слушали леса. Зелеными глазами,
вздымая в небо шлем, тянулись в синеву,
где жаворонок вил певучими крылами
певучее гнездо в небесную траву.

Все ждет твоих чудес. Незримое обличье
яви скорей земле. Оденься в плоть и кровь,—
да будет весела земля в весельи птичьём,
в цветах произрастив зеленую любовь.

Да снидет на поля Твой голос ароматом
чтоб корня горький сок во злаке медом стал;
и мир в твоих лучах Тебе быстрокрылатой
о имени твоём взывать неуставал.

Сказание о великом зароке
и
мудрой человеческой простоте.

Предутрие.

С полей уходит ночь. А день еще в далеком. .
Задумалась пора. Минуты не спешат..
Заря чуть брезжит в муть.. Яркая звезда востока..
Кого в белесой мгле погосты сторожат?
Раскрылись под землей заклятые ворота.
Пропел из глубины предсолнечный петух..
И лебедем туман поднялся от болота,
чтоб в красное гнездо снести свой белый пух.
По скатам и холмам горбатые деревни,
впивая тишину, уходят в глубь веков.
Разросся темный лес, стоит как витязь древний,
в бровях седые мхи
и клочья облаков.
Все глубже сны небес. Земля вздохнула кротко..
В овраге машет ночь обломанным крылом..
И ласковый ручей, перебирая четки,
поет, молясь судьбе,
серебряный псалом.
И будто жизни нет. Но песня жизни всюду.
В улыбке василька
ржаные сны сбылись:
рождается рассвет... И где то близко чудо:
Как лист падет звезда
и солнцем станет лист.

1917 г.

Памяти деда.

Старому Деду
    всю жизнь хорошо не сыпалось...
И жизнь то была не к чему,
    как худая онуча,
а только петух кукарекнет, и зорька отклик-
  нется ало—
Дед уже смотрит в окно,
    как серебро—туча...
Смотрит зевая на небо,
    где звезды от глаз человеческих,
    будто малые Белозерское, спешно ныряют в
  глубокое Сине.
Глянет на поле. И где-то далече, далече
    в поле кричат журавли...
И Дед уже знает по крику: будет ли ведро,
    будет ли непогода ныне.
Ясному в мире светло,—
    Взгляд белолицей березы,
    роса на траве,
    голубые туманы за роцей
    и птичья повадка—
всюду приметы,
    кто в тысячный раз
    просыпается в красной заботе
    о хлебе.

Старому Деду раскрыта
зеленая книга земли.

Всюду начертано:

Зверю таиться в лесах и следить за добычей;
Птице порхать и звенеть,
А человеку --
в трудах украшаться под небом.

Прост и не горек зарок для не хитрого Дедова
сердца:

Выедет было на пашню и пашет.
А сивка кнута не попросит.

И только, когда уж два пота
в морщинах над бровью просохнут,
Бабы начнут полоскать языки у колодца;
И, мягко шагая по росам,
Солнышко придет в село
и похвалит уставную Дедову соху.

Скажет с просонок:

— „Бог помочь“.

А дед остановит коня
и шутя попеняет:

— „Ай, Солнышко, Солнце,
долгонько ты что-то каталось за лесом
не бабий проворный язык
— небось бы проспало все лето“

Пошутит, пошурит глаза

И опять по лехе погоняет.

А солнышко встанет, широко улыбнется,
лучистую шапку высоко на тучку повесит,
умоет рососою лицо
и ясное ходит по свету.

Веселы Деду дни на земле,
не скучно и Сивке,
таскают любимую соху.

Труд и терпение, как песня,
обоим бодрят стариковские кости.

И мило им все:
и крик ребятишек в селе,
и беседы ленивых в раскуре,
и черные лехи,
и радость грачей, что ходят по склонам,
как важные гости.

Все им, как песня.
И серую жизнь, незаметно, в узорах нужды, да
заботы,

Солнце носило по полю
и дедовы дни украшало.

Дед серебрился все пуще,
но рук положить не охота,
хоть много, ой много,
соха, под руками, земли — чернозъму изжевала.

Много, как у бога звездок, рассеяно, собрано
зерен,
а спать — хорошо, насыпалось.

И не черная совесть,
не скорбь о ненужном житье человеческом
сны отгоняли,
а сердце разведало:
— Сном неизлечишь усталость —

И жизнь подсказала:
— Не красная доля мочалить порты
о запечье. —

Вот с молодю Дед и дружил
с петухом, да с зарею пригожей.

Сквозь голубые глаза
и небу,
и высокому Солнцу,
и каждой былинке,
и птахе
тысячи дней улыбалось делово сердце...

А сегодня, на грех, задремал на широкой скамье
под божницей
и чует, что все уж проснулось,
а сам приподняться не может..
Хочет глаза распахнуть
и, будто созревшая рожь,
заплелися ресницы.

Вязнет в Забвение душа,
как олень златорогий в трясине.

Хочется Деду внуценка позвать
и не родится слово..
А день широко разгулялся
под небом глубоким и синим

и Сивку впрягли уж другие
распахивать вешние новы.

Все на селе, как и прежде,
лишь по новому гвозди,
чуется, где-то вбивают,
и пилят сосновые доски...

Кому-то не ладное ладят...
А рядом ворчливые куры кудахчут,
что бабы опять
обокрали все гнезда...

И по новому Солнышко
сидит у окна
и ласково Дедову бороду гладит.

Боговым маслом и ладаном,
воском топленным
и жито
празднично пахнет в избе.
Тихо, как в церковь, приходят соседи.

И Дедова жизнь, что была незавидней онучи
как Троицын день —
у всех на губах —
красовита!

И дивно и радостно Деду.

Дивно и радостно. А что приключилось?
Не знает.
Только сладка неизбывным покоем дремота.

Где то за полем
о вечном безвстрини
новые птицы в отходной заре прокричали...

И видит: из груди, что ветер,
летит лебединое стадо —
земные заботы,
печали.

Как в церкви сегодня у Деда в избе.
Не в синих и грязных заплатках,
а белой холстиной покрытый,
Он дремлет на лавке широкой,
как серебро—туча ..

И плачут под красным окошком,
О дедовых сказках,
О пряниках в сусле
внучата...

И будто, о чем то, на полке
мохнато задумалась
шапка...

И тихо тоскуют у двери
Дедовы лапти с онучей.

1918 год февраль.

Певучий берег.

Буйным вихрем к забытому дому
я на буре—коне прискакал.

И опять на родимой соломе
под божницей резной задремал.

И открылось глазам зачерствелым
в полусвете меж явью и сном:

Конь мой огненный сумраком белым,
белым вечером встал за окном.

Золотыми крылами в лампаде
трепыхнул золотой огонек..

О какой то нездешней награде
прошептался с избой ветерок...

И из хаты любимого Деда,
с бороною как снег и пурга,
вывел в поле по зорнему следу
сенокосить па райских лугах...

Взоржал конь многострунным молчаньем,
чуя корм неотцветших лугов.

И откликнулось медом—речами
на приступках золотых облаков.

Это Бабка из красна чулана
вышла в небо серебристой луной
чтоб на избу, на внука—буяна,
поглядеть в вырезное окно..

Заглянула. Поникнула долу, —
в злых годинах я стал уж не тот...
И прикрылася тучкой подболом..
И рассыпала звезд решето...

Загрустила,—не злом ли я спутал
золотистый кудрей моих лец,
не на слабых ли буйную удаль
разносил огнехрапый мой конь.

Только утром, под солнечным стогом,
слышал я между явью и сном,
ей рассказывал Дед босоногий
о слепом лихолетьи земном.

1916 г.

Сказание о правнукѣ Микуловом, о
Ладе—Заре и о всякой нежити и
нечисти полевой и запольной.

Былинное поле.

Быть бы гусяром,
да пращуров гусли утеряны.

Ой, древнее поле, былинный родник,
тебя-ль лошадиное сердце охватит?
тебя-ль человеческий измеряет глаз?

А в том ли во поле с утра за косулей
ходит, да нукает правнук Микулы,

Сам—краснощекий,
конь—в серебро...
Ходит, взрывают бугор за бугром...

Пора бы на отдых, и отдых не мил.
Сегодня про отдых и конь позабыл;

Только любо коню
Шагать бороздою,
Встряхивать гривой,
Звякать уздой...

А конь у пахаря—двоехрапый,
Конь у пахаря и грудаст и матер.

Зыблется поле с бугра на бугор.
Глянесь и шире холмы разливаются
Рощи, леса,
в синеву разбегаются...

Птице лететь бы и тоже умается,—
в поле простор—и широк и велик.

Не мало борозд раскатил сопшик;
Не мало косогоров шагами прошито;
Три пота сошли с матерого коня,
А в думе у парня:—вспахать бы все поле,
Вспахать бы все горы,
Доехать до края земли,
Где синие рощи в туман прилегли,
Где вольная воля
И Лады кольцо золотое.

Сегодня то было, а может уж тысячу лет:
Он видел, как Лада прошла по селу;
Как Лада гуляла во ржи васильковой,
Да кликала парню с далекой межи;
—„Ой, где ты мой суженный, любый
жених“...—

А после в лугах поджигала росу.
Да лебедем красным плыла над дубровой.

Недаром он выехал рано в поля...
А Лада пропала, а Лада ушла.

Недаром он, пахарь, плечан богатырь,
Разбил у села карачун—Алатырь,
А в роще соловьиной пропел соловьем,
а по селам кричал буйным кочетом:
—„Где вы, соседи, запечные люди,
Древиною ширь не пора-ль расчищать,
Гей, одевайте рубахи багряные,
Неба синей одевайте порты,
В лапти меняйте прогнившие вихти,
Сварба сегодня великая будет
Будут вам ноне безсчету дары“...—

1255619

Недаром с запечий повылезла сонная Русь,
Недаром гудели широкие села до хрипоты,
А после из хат за околицу
выехала черносошная конница
бородатая, неумытая, непричесанная.
Вон они тоже с утра,
Сошками в земле ковыряются,
Ладу на поля дожидаются,
Чтоб высватать Красату за лапотника,
А небо и землю: взять в приданое.

„А ли ты, Лада, обманешь народ?“,—

Сгорбился день от мужичьих забот.
А солнышко все ближе к закату спускается...
Солнышку давно бы пора на покой,
да заходя красное оглянулося,
встало за селами на высокий бугор
смотрит на пахарей, чудается;

Лучистую бороду поглаживает,
деревенщину на целый свет расхваливает:
„А и что это сегодня там приключилося
камни от зноя потрескались,
реки и озера повыпотели,
а кумачных запечников и ленъ не берет“...

Разинуло солнышко огненный рот.
светлые тучки, что бегали стаями
набегались по синему и растаяли,
а черные тучи встали около,
нагуливают груди, перемигиваются,
золотыми кольцами перекидываются,

Да глухо ворчат:
— „И откуда взялось мужичья?
От клячи и народу
Нет через поле проходу...
Али они пьяные, али глупые?“

Сворчали. Замолчали. Того и смотри
Лопнут, затопят ляды и бугры.

А правнук Микулы идет не оглянется,
Конь у Микулыча везет, не сдает.
Хоть гору бы сошка в сошник заберет.

Ходит он по горкам со ската на скат.
Ходит за Микуличем великая рать.
Выступит пот рукавами утирают,
малое коренье лихой заливают,
древнее поле перепашивают,
глыбы шивячье расколачивают
злое коренье, выворачивают,
да за версту с гаком в бучажинны отмахивают.

А мертвые камни кони дресвят.

Глупые в работе четырежды святы,
только не от глупости раскинулись
под косулями черными лехами
ноле древнее, гулбнице красное,
а кипит говорливая пахота
не от той ли от силы немереной,
что оставили деды на пахоте
до поры, до урочного времени...

Черные невзгоды за тысячу лет
силу черноземную не выпили,
думы Микуловы не выпрели;
эту силу, да думу почуяли
даже те, кто от лени неражие.

Тут черные тучи вдруг нахмурились.
От востока, от запада, с севера
и от ясного синяго полудня
набежали из-за моря черные,
завели хороводы по заполю,
карманы с громами повыворотили,
нависли над селами, тяжельше гор,
гаркнули голосом во все стороны:
«—Гей вы, други-вихори, ветры буйные,
к каких это пор
лапотники тучам не молятся?
От вихря-бурелома не сторонятся?
Откуда на гашники это норов пристал?
Али каждый лапоть боярином стал?
Али сохи железом окованы?
Али пых из вас, вихори, выдохся?
Гей вы, вихори, други неражие,
вскиньте поле, как скатерть немытую,
вужицье тут, и сами рассыплются,
будто крохи от хлеба вчерашнего.—

Поле древнее вдруг призадумалось.
По буг рам, по морщинистой пахоте
прокатились, под горками замерли
думы грустные—тени широкие...

Слышит поле: ни чайки, ни соколы,
ни грачи перелетными стаями
шумом крыл поднебесье наполнили,
а проснулись ветры могучие,
по лесам всполошились вихори.

Тут травы и деревья поклонились;
малые зверюшки в норы прячутся
а большие звери в тайги ушли...

Только пахари в небо озираются,
да тучам всем миром отвечают:—
„А и што вы, тучи, взъерепенились?
Не вы ли захмелели от испарины
у великаго озера, у крававого?
Не потом ли мужичьим вас распучило?
А мы ехали в поле вас не видели.

Гой вы, тучи черные, свахи ветровы,
а не молятся вам пахари, не веруют
оттого что воля красная не приказывает;
от того, что по селам прошла молва,
будто Лада—заря запросватана
за правнука Микулича за вихрастого.

А уж тысячу лет нам повелено,
буде встретим мы Зорьку на пахоте
будет отдано небо в приданое
и земля вековая кормилица;
будут ситцем и сахаром даренным
наши хаты доверху завалены.

Где ж справляти нам сварбу великую
как не в поле широком Микуловым?

Ну-ка, тучи, раздайтесь, не застуйте,
наше небо не пачкайте копотью;—
а мы ждали гостей да не эдаких.

Наши гости—родня краснобайная,
перевитые поясом радугой
скоро выедут солнечным поездом,
чтобы наши дороги не хлябали
а трава, да рожь в человеческий рост
к трудолюбному завтрашню выметалась.

Что-ж вы, черные тучи куражитесь?

Сбавьте спеси с затылков нагуленных,
мы не меньше по свету шаталися,
мы полсвета лаптями измерили;
тыщу лет думу крепкую думали,
а вчера у запечья разведали:
стать боярином—честь не великая...

А поклоны и в церкви наскучили—

Сговорили. В затылках потрогали.
Все по совести, все, как повелено.
И опять за рогатки схватилися,
только шире во чистом разъехались.

А разъехавшись вдруг спохватилися
где-ж девалось солнышко красное?

Пуще прежнего злое нахмурилось.

Тучи с полунеба выпили свет,
ой, что-то грозное тучи таят,
стало под небом и душно и тесно.

Вдруг за лесами, за грозными тучами,
где вольному полю: конец и предел
девичий голос запел:

— „Ой ли ты пахарь, сермяжный жених,
алой любовью тебя я любила,
вышла на встречу, да ночь полошила...
Сердится старая, бесится,
Замуж собирается выдавать за месяца.

Сватается Месяц—причудливый гость,
ездит он к ночи па серебряном лесе.
Славен он в царствах, и близких, и дальних,
Да только уж больно он, Месяц, печальный,
Синий и хворый, с поникшим лицом.
Чур, не ему золотое кольцо...
Снегу ли греться у яра огня?
Сам он сгорит и погубит меня.

Чур меня, чур меня. С тучами черными
носятся ветры лесные и горные.

Вон они едут на буре-коне...
Спатаются ветры, да свахи недобрые--
Туча за тучей, уж тысячу лет,
носятся с золотом в крынках расколотых.
Хвастают: в море и за морем где-то—
много богатств лежит для меня...
Да что мне богатства! Тряхну рукавом,
алмазы и золото будут кругом...—

Девичья песнь по полям расплеснулась.

Легче коно и просторней косуле.

В говоре красном воспрянул народ.
—Кто там поет?

Посмотрели, застыли;
в золоте рощи, в алмазах кусты,
а там по заполю, за краем земли,
где парневы думы с утра разгорались
терем ночи стоит, как гора...

В звездных узорах и крыши и плиты,
а в тереме ходит Лада—Заря.

Девичьи щеки в румянном пожаре,
пышнутся губы нецелованным жаром,
а в тереме горы лучистого льна.

Надо бы прясть, да любовью больная
жарко вздымается девичья грудь...

Ходит Заря, да шелка примеряет.

Сядет за прялку и вновь распевает:

— „Знала бы я, где богатства раздать,
— „ах, знали бы губы кого целовать,—
он ветра и месеца разумом выше.,
да как мне к любимому в поле пройти?

Крепок у ночи терем высокий;
черные свахи стоят на пути;
совы глазастые стены дозорят.

Пряжа, ты пряжа, мой плен золотой.
Парня любимого ждать не дожждаться:
лен золотистый пряди не спрядешь..

Сбежать бы к милому в красное поле.
Сбросить бы с плеч златоцветную шаль,
да с парнем любимым сидеть в частоколе..

Где же ты, пахарь, сермяжный жених?
Али ты любишь другую в селе,
краше походкой, и лицом веселее?

Шла я сегодня по рощам, по селам,
кликала в поле, да ты не слышал. .

Красный платок на межу уронила,
да ты яровою землей запахал...

Слушайте люди, мне горек полон,
солнце в мой терем приносит не лен,
песни, да думы – живые лучи...

Песни, да думы пряду я в ночи.
Али мне снова тысячу лет
В поле веселые песни не петь?
В тереме ночи сидеть вековушей, --

Дивится дивом запечный народ.

Вольные речи, что вешние воды,
думы мужичьи—цветистой огня.
Только иные ложатся заботы:
как они вызволят Ладу—красу?
Ехать до терема, нету дороги, —
крылья бы надо, и крыльев нет.

Шумен и гулок мужичий совет.

Вон уж и солнышко в терем идет,
огненный лапоть через горы шагает,
а за солнцем идут коробейники дни,
несут за спиной сундуки золотые,
а в тех сундуках—человечьи сердца,
а в тех сундуках—человечьи заботы,
да путанней ветра бурунные думы,
да жарче огня потаенные песни,
да радуг цветистой земная любовь..

Ой ли ты день, коробейник забот,
кто же в тот терем дорогу найдет?

Тут гаркнул Микулыч
на сивку коня.

И чудное чудо! вдруг дедова песня сказалась,
умер ли древний владыка земли?

Огненные крылья к коню приросли,
выпрягся конь, закусил удила,
взвился, взмахнул за бугры за поляны ..

И эхо за тридевять стран откатилося;
тридевять стран на ногах пошатилось,
с княжьих голов повалились короны,
как с сухлых деревьев сухие плоды;
рощи откликнулись птичьими звонами;
старый и дряхлый—стал молодым;
сделались юные—старше столетий...

Буря-ль промчалась по дебрям лесам?

гой то не буря, то высь к небесам
правнук Микулы к Заре полетел;

Пахарь за тучей ревниво запел.

— „Слышал я зовы твои Заряница,
конь мой быстрее и ветра и туч,
выдала тайны мне старая ночь,
к прадеду солнцу я мчусь на поклон,
чтоб вызволить Ладу мою из полона,
Лада моя, золотая пора,
ладом не ладом, а будешь моя.

Сварбу мы справим у синего бора,
косы твои—золотые озера,
я, а не ветер тебе заплету;
я дам тебе ленты—межи в цвету,
я дам тебе реки—звонящий бурнус,
чтоб в красном весельи воспрянула Русь,
чтобы не было краше на свете молодки...

Уж тысячу лет ожидают поля
чтоб стать самобранкой—селепскому люду...“

Ночь заканчалась на звездных осинах,
спрятала Зорьку, за сумраком синим,
заухала фильмом с черных ворот.

Черный туман за клубил от болот.

А нежить лесная, рогатая, подводная, болотная,
сухорукая,
что от века жадностью подавилась,
испугалась за клады подземные,
вдруг прикинулась пеннем, кустарником,
сухопарым листом и валежиной;
затряслась, невпопад зашушукала,
над холмами морокой заплавала,
завалила овраги и борозды...

Непоймешь, где коневий, где пахаря след?

Много у поля недобрых примет:
голые бабы несут курослепы...

Голые бабы как чаша беды,
а там за рекой в камышах,
лебедем плачет русалья душа!

— „Ой ли ты, пахарь, дремучая сила,
полно вернись к твоей сладкой земле,
ночь обманула погибнешь во мгле...

Знаю я солнце не примет поклон...

В пламени солнца растет твой конь.

Мало ль таких же, как ты, светлоочий,
к ясному солнцу, да вещей ночи
с песней взлетали с любимой земли
думы зарницы в терем несли.

Только никто не остался в живых.

Ой ли ты пахарь сермяжный жених.“ —

Тяга земная зовет и пугает.

Черные тучи кругом забегают..

Ой да и не тучи, только тучами,
нечисть хапучая прикинулась,
к древнему полю надвинулась....

Теснится с востока, теснится с заката;
развесила над селами кровавые клочья

заплат;

за правнуком Микулы гоняется;
огненные плети раскидывает..
будто горы под небом переваливает:
— Али с чернорукими сладу нет?

Не за вас ли лихие наездники-вихори,
тыщу лет, как мы Ладу просватали...
Чтож им, этим, в башки захлобыгнуло“.

Тут разбойные вихри присвистнули,
с неба на землю скокнули скок...
Кинулись к пахарям в запыхе злом:

— „Гей, сиволаны, шапки долой!“ —
Кинулись к Микулычу:
— „гей, берегись!

„Много ты задумал, не рано ли?
Кости, да погосты — приданое
будет тебе с эфтими харями“.—

Да тучам ли пахаря с коня сшибить,—
сила Микулыча — сила мирская,
думы мирские — крылья коня.

Взвыли и снова в злобе отпрянули,
вырвали с корнем сосны столетние,
раскидали солому на хижинах,
стопудовые камни подбросили,
со всесветной дороги пригоршнями
пыль схватили да в чистое бросили,—
чтоб не видеть ни свету ни времени.
Всю кипучую злобу истешили
и безильные в море свалилися.

Быть бы сварбе великой и радостной,
Да нежить лесная пошла на обум
путать следы человеческих дум:
Тянет пискливой с лесов машкарой,
прикинется жабой на босую ногу,
камнем и корнем привалит к сохе,

Забирается и брови и в бороды,
забирается в уши, за гашники,—
чтобы силу по капельке высосать,
чтобы веру по крошечке выжевать.

Знает поганая мелочь секрет:
— силу мирскую не свалит гора
да тля незаметная гору подточит...—

Знает поганая и другой секрет:
— в думах мужичьих просторно, как в поле—
гуляй кому надо,
что хочешь топчи,
только про счастье мужичье шенчи,
да жалобней вякай про горькую долю,

Будут покорны тогда силачи,
красные речи замажутся сажей,
сами друг другу могилы укажут
и сами себе панихиду споют.—

Знает поганая и третий секрет:
—думы погаснут —бессилей Микулыч,
Ладу забудут — погибнет и конь...—

Долго ли, мало ли, пахаря маялись,—
Грозу да нанасть не столетьем считать—
да в минуте грозы на столетие беды...

Сошки у соседей расшатался,
клинышки в рассохах повывали,
железо о камни притунилось,—
Поехали борозды и вкривь и вкось.

Пахарям поне туго пришлось.

Пахари друг друга не видят на шаг.
нежить, да печить в глазах и ушах.
Коня не лезут в пьяные борозды.
Некому мертвые камни дробить,
некому злое коренье отмахивать,
только скрежещет мужичий сошник
да горько трясуться лохматые бороды.

печить прикинулась дружкой мужика.

Загукал пенек о пенек:

— „Эй, паренек,
кумачевый умок
где-ж твоя Лада,
ситцы и сахар?
Где это видано, слыхано где ли,
чтоб понуству люди до ночи потели?
Сами без хлеба, сохи скрипят,
потом промокло все поле—
вот вам и красная воля“...—

Поле мужичье завыло, заахало:

„Братцы, товарищи, други, соседи,
али из под шапок повитрясли ум?
Али мы сосны? Али медведи
чтоб в бури, без крова, в полях вечерять?
Да и что нам сегодня приспичило
маяться без отдыха, без лопанья,
до дыр сносить онучи в красных хлопотах...
Чай пахота—не баба, не состариться“.

Круглодурое, неумытое пялится.

А там еще ветры-бродяги,
совсем измотались коняги.

Нечисть и Нежить—поганый сброд,
спутали, сбили с толку народ.
Злобой, да ленью загадили Древнее поле.
Пахари забыли про Ладу-красу,
про вольную волю,
про сварбу великую,
где бы солнце с землей породнилось
через правнука Микулыча Вихрастого.

Как хламом сундук позакидано поле
Издевками, громами, криками..
Спорят кто глуп, кто богат, кто умен;
Спорят, да грязью, да дырьями хвастают,
Судят, да рядят. И вот решено:
„У бога дней не зерна решето
Может об'явится и красный денек“.

И смеется им в след домотканый родной ветерок
— Кто это вас пахарь, измял, пришиб?
— Али вас черная Нечисть замучала?
— Али вы к работе не приучены?
— Спали бы до времени, чем кур смешить.

Тут пахари снова спохватились,
думали снова пахать, да уехали спать...

Ой не дуб вековой,
не тайга от Камчатки до Вологды,
на лучину грозою расщепана,
А распалась великая рать,
Черносошная сила
Раз'ехалась.
По хатам по опечьям расхамалась
за бабы сарафаны попряталась..

А правнук Микулы летит,
Не оглянется,
Нукает сивку, да пуще румянится.
С нервого скока —земля позади.
Моря, океаны, позади от второго.
С третьего скока, Он ночь проскочил,
Лада уж близко...

Да нет уже сил...

Гаркнул он снова Сивку коня,
Думал он Солнце и дни обогнать;
думал он звездную крышу достать,
Да Сивка споткнулся, упал!
Огненные крылья напречь оборвал.
А правнук Микулы прощальное крикнул Заре
И сгорел!

С тех пор по утрам,
Над полем широким
Проносится пахарь и конь,
В серебристом тумане.
И смотреть им в след золотая косуля с бугра..
—Вещие знаки, что думы красовитые.—
Не княжичий тыц,
С вихря—бурелома не сваятся...
А светлая Лада
    через тысячу лет,
    да об'явится.

1917 год.

1923 год.

Покос.

И я, и солнышко—мой ясноглазный друг
встаем от сна, улыбчивые рано..
Разбудим день. Оно возмет туманы.
А я—косить цветной широкий луг.
Мужичий гам, румяный бабний говор,
польются вслед с нехоженной тропы..
А впереди: и синь косогоры,
ромашки, и росистый смех травы..
И весел труд. Коса остро и звонко
по шелку трав хрустит до полудня.
И не понять где песня жаворонка,
там в синеве, иль в сердце у меня?
А с полудня, когда мой ясный друг
огруживает высоко в стога туман кудрявый,
я ставлю в копны скошенные травы
я тороплюсь убрать широкий луг.
И целый день пока не кликнет вечер
кумачный вихрь гуляет по лугам..
И светел труд. И неустанут плечи
купаться целый день в зеленых облаках.
А вечеру, когда на бабыи ноги
душистей клевера прильнет загар,
устанет солнышко. И в золотые стоги,
красивое уходит на закат..
Уйду и я. И тихий сон по селам
сомкнет глаза кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг веселый
и все звенит: роса — коса — роса. —

1918 г. Июль.

Песня о трех цветах,
что на пути отходящих.

О т х о д.

Багряное крыло раскинула заря,
роняя в тучи золотые перья.

Вот так всегда бы, как иду теперь я,
без устали итти, итти без цели, зря...

У мудрых цели нет, у мудрых нет беды.
Мой путь еще высок. Лицо еще в играющем
румянце.

Пускай к закату склон. Певуче льются с пальцев
в нехоженный песок
веселые следы.

Был страшен долгий век. И вот спокоен час:
дано мне каждый миг изжить тысячелетья.

Я прожил тридцать лет. О чем еще жалеть?
Печаль моя нежна, как крик вечерней чайки.
Душе легко. Растаяли года,
как едкий чад, как стон любви докучной...

Из волчьих ям не выпрыгнет беда,
не изгрызет серебряные будни,
что виснут над рекой туманом голубым..

Пусть снова вороном хлеснется ночь в поля
и в добрых снах меня забудут люди,
мой голос в ветре в звездах слышен будет...

Я в вечность отхожу с тропинки бытия.

Жене—Гале.

Честь, богатство и слава и власть —
все случайно на горестном свете.

Жить легко,
еще легче пропасть...

Только есть золотая примета,
что из сердца любовь
даже смерть не умеет украсть.

В том краю,
где тайгу извалял дровосечий топор,
где не мало цветов попримяла холодная
осень, —

От седых, незапамятных пор
кличут путника древние куполы сосен...

А у сосен могильный бугор.

И на том на могильном бугре,
всем, кто счастье в пути потеряет,
будь он молод и свеж,
иль с кудрями белее пурги.

Три волшебных цветка расцветают
и поют о минувшей поре.

Первый цвет—это юности цвет.
Он грустит о небесном полете,
где беда не оставила след..

Этот цвет—в заревой позолоте,
с лепестками, как утренний свет;

Цвет второй—Многопесенный Стоп.
Это зовы цветка страстоцвета...
А цветок, будто яркий огонь,
листья—солнце палящего лета,
Прикоснись—и на веки сожжон;

Третий цвет—Голубая Тоска —
Он пост о потере двух первых расцветов.
Словно мертвой подруги рука
лунный стебель, ничем не согретый,
держит слезы в немых лепестках..

И расскажут дремучие сосны
широким, задумчивым шумом:—давно,
уж давно (даже ворон с тех пор чернокрылый
если смерти ему не дано
поседел)
тут Возлюбленный с Милой
Приходили, как станет темно.

Чтоб взглянуть на земную любовь,
Ночь огни зажигала над ними...

С бородатой толпой облаков
шла Луна в серебристом дыме...

Не спалось и заре у холмов.

Торопились друг другу ручьи
    рассказать как звонки поцелун,
    Как людские уста горячи...

А на утро в пылающей сбруе
    Мчались жаркие кони лучи...

Да одна только в мире Беда
    в глухоте про любовь не слыхала,
    в слепоте забрела не туда
    и к счастливым в жилье постучала:

— „Встаньте близиться вражья орда...

— „Что мечи не берут, то огонь
    Расчищает кровавой облаве...

— „Малых—вытопчет бешенный конь...

— „Храбрым—смерть или вечная слава,

А красавицам—горький полон*—

Тут возлюбленный крикнул как гром:

— „Лучше смерть, чем полон у поганых“—

И три дня и три ночи
    стоял над селом
    грозный клич,
    а в сердцах ураганы.

И кто мог,—подружился с мечем.

А в четвертый рассвет во дворах
    ржали кони готовые к брани.

Подымалась кровавым пожаром заря...

И звенели щиты и колчаны,
    и кольчуги на крепких плечах.

До полуден друг друга челом
    клали вольные люди великий зарок и
  поклоны,
    целовались на путь за родимым селом...

А в полудень умчали их кони,
только пыль закружилась столбом;
Да сверкнули в последний привет
в ясном солнце стальные шеломы...
Затуманился за полем свет..
Почернела от скорби
на хатах дремливых солома.
И гадали по травам
им красные девушки вслед.
Лишь Она
у печальных растань
былась чайкой от черной разлуки..
Будто гибкая ива, сгибался рыдающий стан
и метались простертые руки
белым пламенем в черный туман...
Разрывалась, как туча, девичья душа.
Плыл в далекие звезды
древний плачь
белый стон причитаний:
— „Вам ли звезды тоску утешать?
Не к добру на разгульные брани
воронье в поднебесьи спешат“..—
И не даром. Кто стар от земли,
слышал тяжкие стоны за полем...
Все костыми на степях полегли,
кто рубился за вольную волю..
А красавицу мертвой нашли.
Гибкий стан покрывала трава.
Плакал ветер запутавшись в косы,
из очей утекла по лугам, за холмы синева....

И желтели от скорби покосы,
и кружилась с берез
золотая по ветру листва.

Много пролито
детских и старческих слез.
Много туч пронеслось над девичьей могилой...
А весной только холм
муравью порос,
из степей от Любезного Милой
ворон алое сердце принес.

Каркнул ворон три раза в века
вещим криком и крови и стали
„Горек мир“.
И вспугнулись века,
будто птиц перелетные стаи...

И из сердца в тот час
расцвели три волшебных цветка.“ —

И утихнет молва. Только стон
в каждом сердце обернется песней.
Первый, юность вернет из времен,
жар любви от второго воскреснет
с третьим... смертный пригрезится сон.

И во век те цветы не умрут,—
Их ни буря, ни гром не колышут.
И никто не мнует тот путь,
Но довольные песен не слышат,
а счастливые спешно пройдут.

1917 года.

Лесные купели.

Где лесные купели затоны
расплеснула лесная река:
четки, вещи кукушкины звоны;
колокольная ель высока.

Никнут в дреме плакучие лозы,
льют в речные глаза поцелуй.

И ведут бирюзовки—стрекозы
рзвый гит над прохлагою струй.

Ходит Солнышко, сядет на травы,
чешет скат золотым гребешком.

И весь день тростники и купавы
будто шепчут о чем на ушко...

Будто шепчут о девушке белой,
что лежит глубоко в отмуту..

Оттого и вода голубеет
и кувшинки стыдливо цветут.

Оттого и песок золотится.
И у рыбок забота легка,
что с березой простясь светлолицей
не кляла за измену дружка.

Веще льются кукушкины звоны
над задумчивой гладью реки...

На лесные купели – затоны
кто-то сыплет с небес васильки.

1915 г.

И еще заключение.

У т р о.

Мое жилище, землю грешную,
печальный и убогий край,
любовью светлой и нездешнею
я полюбил, как прежний рай.

Одед поля в ржаное золото,
и рощи медом наполни,
и все преграды лунным молотом
рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на вехи черные,
где в медных вихрях шла гроза
затеплил свечи чудотворные,
чтоб зацвели как лен глаза...

Мой лук—за утреннюю радугу —
я натянул и луч—стрелу
вонзил глухому зверю в пазуху,
точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее...
И от лощин, из-за бугров,
идут в зарю туманы сивые
на горный звон колоколов.

Орлица — мысль, игривей зяблика,
за море в глуби уплыла,
и солнце — золотое яблоко,
в горящем клюве принесла.

1915 г.

Оглавление.

К слову сказать	3 стр.
У косогора	4 "
Предутрие	6 "
Памяти Деда	7 "
Певучий берег	13 "
Сказание о правнуче Микуловым	16 "
Покос	34 "
Отход	36 "
Жене—Гале	37 "
Лесные купели	42 "
Утро	45 "

.....

Книги Алексея Ганина.

Звездный корабль стихи издан. 1920 г.
(распродано),

Мешок алмазов литограф. сборник стихов, изд. 1921 г.
(распродано).